

АВЕРЧЕНКО В «САТИРИКОНЕ»

Аркадий Аверченко — знаменитый русский юморист, автор десятков юмористических рассказов и создатель самого известного русского сатирического журнала.

Родился Аркадий Аверченко в 1880 году в Севастополе в семье небогатого купца Тимофея Петровича Аверченко, который, по словам самого сатирика, торговал «мылом, свечами, пиленным сахаром». Это был человек «большого роста» и необыкновенной доброты. Мать писателя, Сусанна Павловна, вышла замуж семнадцатилетней и всю жизнь посвятила детям. Семья была большая: у Аркадия Аверченко было шесть родных сестер. Воспоминания о детстве в Севастополе нашли отражение в таких замечательных рассказах, как «Смерть африканского охотника», «Кулич», «Ресторан „Венецианский карнавал“», «Страшный мальчик», «Молодняк» и в «Автобиографии».

Когда Аркадию исполнилось девять лет, отец хотел отдать его в Константиновское реальное училище в Севастополе, выпускники которого могли поступать в технические университеты. Конкурс в училище был два человека на место. Но у мальчика оказалось очень слабое зрение, а в программу входило много занятий рисования и черчения. В училище Аркадия не приняли, и ему пришлось учиться дома. С ним занимались родители и старшие сестры, которые соперничали друг с другом за право учить маленького брата. Единственный мальчик в семье, он был домашним любимцем. Отец обучал его азам бухгалтерии, что очень помогло Аркадию в будущем, в том числе в издательской деятельности. А в тринадцать лет он написал свой первый роман.

Когда отец Аверченко разорился, Аркадию пришлось помогать семье и начать зарабатывать деньги. Отец устроил его младшим писцом в транспортную контору. Пятнадцатилетний юноша познакомился со скрытой для непосвященных стороной жизни большого портового города: в Севастополе стоял Черноморский флот России, в город приходили многочисленные торговые корабли. Об этом времени

и о работе в севастопольской конторе писатель рассказал в «Автобиографии» и в рассказе «О пароходных гудках».

В 1896 году сестра Аверченко Мария вышла замуж за инженера Терентьева, и Аркадий вместе с ней переехал в поселок Исаевский на Брянский рудник — один из угольных рудников Донбасса. Четыре года будущий знаменитый сатирик проработал на Брянском руднике помощником счетовода: он был служащим акционерного общества Брянских каменноугольных копей и рудников. Проходивший практику на Брянском руднике студент петербургского Горного института Александр Оцуп, который через несколько лет станет автором «Сатирикона» и возьмет псевдоним Сергей Горный, вспоминал юного Аверченко-служащего: «Есть такая маленькая станция на Екатерининской железной дороге далеко на юге России. В Донецком бассейне. Ее зовут — Алмазная. И есть там Брянский рудник. И на нем, где-то в „счетоводстве“, в скучном отделе, где были горизонтально и вертикально расставлены сухие каллиграфические цифры, сидел, согнувшись, целыми днями и заполняя клеточки, близорукий сдержанный человек. Совсем еще молодой. Молчаливый. Иногда только подойдет и с еле видимой усмешкой, — стрельнув чуть косящими глазами, — что-то скажет. Острое. Зигзагами. И оно запомнится...»¹ Именно там, на руднике, на маленькой станции Аверченко наблюдал разные типы людей, темные и светлые стороны человеческой натуры. В 1900 году правление рудника было переведено в Харьков — и помощника счетовода Аркадия Аверченко тоже перевели. Его сестра Мария Тимофеевна с мужем и детьми осталась на руднике. Двадцатилетний Аверченко оказался в большом городе. В это время будущий знаменитый юморист принимал участие в вечеринках студентов Харьковского университета, писал остроумные стихи в альбомы знакомых, посещал театры и вскоре начал печататься в харьковских газетах. В 1903 году в большой харьковской газете «Южный край» появился рассказ Аркадия Аверченко «Как мне пришлось застраховать жизнь». Спустя какое-то время Аверченко перешел из акционерного общества Брянских рудников в другую контору — правление соляно-промышленного предприятия, где также занял должность счетовода. По собственным словам сатирика, он был в ту пору человеком, «с готовностью откладывающим работу для смеха, шуток и ряда замысловатых анекдотов». Сохранился снимок 1901 года, на котором Аркадий Аверченко снят в смокинге. На этом фото,

¹ Цит. по: *Миленко В.* Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 32–33.

сделанном в знаменитом харьковском фотоателье, у писателя зачесанные назад волосы и светлые редкие усы, которые не могут скрыть еле сдерживаемую, озаряющую весь облик улыбку. Когда Аверченко исполнилось двадцать пять лет, с ним случилось несчастье: он сильно травмировал левый глаз. С тех пор этот глаз перестал видеть и стал недвижим.

Вскоре события Первой русской революции всколыхнули и Харьков. Аверченко писал о том времени в очерке «Мы за пять лет»: «Как будто кроваво-красная ракета взвилась в 1905 году... Взвилась, лопнула и рассыпалась сотнями кроваво-красных сатирических журналов, таких неожиданных, пугавших своей необычностью и жуткой смелостью.

Все ходили, задрав восхищенно головы и подмигивая на эту яркую ракету:

— Вот она где, свобода-то!..»

Царский Манифест, опубликованный 17 октября 1905 года, был встречен в Российской империи с ликованием. Манифест царя даровал подданным свободу совести, слова, собраний и учреждал парламент. Именно об этом так долго мечтали демократы. Русский парламент, в котором каждое сословие представляли депутаты, — Государственная дума — начал свою работу в 1906 году в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге. А 24 ноября 1905 года были приняты «Временные правила о повременных изданиях» — закон, оказавшийся важным для издателей и журналистов: отменялась предварительная цензура периодических изданий. В случае публикации недопустимой информации редакторы изданий привлекались к судебной ответственности, а полиция конфисковывала тиражи «осужденных» журналов и газет.

Осень 1905 года, зима и весна 1906-го были временем свободы печати в России. В эти месяцы появились десятки изданий самых разных направлений. Кадеты — члены конституционно-демократической партии — стали издавать газеты «Народное дело», «Народный путь» и крупнейшую новую русскую газету «Речь», монархисты — газеты «Московские ведомости», «Русское государство», «Земщину» (с 1909), эсеры — «Сын отечества», «Голос» и «Дело народа». В это же время социал-демократы-большевики издавали газету «Новая жизнь», а социал-демократы-меньшевики — «Начало» и «Московскую газету».

После выхода Манифеста в столицах появилось много новых сатирических журналов: «Пулемет», «Жупел», «Зритель», «Зарево»,

«Сигнал», «Пламя», «Зеркало», «Молот», «Маски», «Водолаз», «Рапира»...

Аркадий Аверченко в 1905–1906 годах профессионально занялся журналистикой: он вел раздел «Харьков с разных сторон» в листке «Харьковский будильник», печатался в газетах «Южный край», «Утро», «Харьковские губернские ведомости». В сентябре 1906 года в Харькове начал выходить сатирический журнал «Штык», редактором которого вскоре стал Аверченко. Издавал журнал член кадетской партии Е. Ф. Тихонович. Конституционно-демократическая партия возникла в октябре 1905 года и выступала за экономические, законодательные и политические реформы в России. Ее членами были известные интеллигенты-демократы П. Н. Милюков, И. В. Гессен, В. А. Маклаков, П. Б. Струве, М. М. Винавер, кн. П. Д. Долгоруков, В. Д. Набоков и др. Аркадий Аверченко в этот период не заявлял открыто о своих политических пристрастиях, но, несомненно, поддерживал демократические и даже республиканские взгляды самой образованной части русского общества. В 1906 году в «Штыке» Аверченко публиковал не только рассказы и эпиграммы, но и рисунки и карикатуры, которые появлялись и на обложке журнала «Штык», и как иллюстрации к юмористическим рассказам. В это время он даже поступил в Харьковскую школу живописи. Одна из карикатур Аверченко изображала Максима Горького над рукописью его очерка о Нью-Йорке «Город желтого дьявола», написанного после скандальной поездки вместе с актрисой МХАТ М. Ф. Андреевой в Америку. Подпись под карикатурой гласила: «Тысяча желтых дьяволов!! Публика, кажется, опять стала забывать обо мне!»

Вскоре в фельетонах Аверченко появится такое обозначение бюрократической системы Российской империи — «царский полицейско-бюрократический режим». Аверченко понимал, что государственная бюрократическая машина не подлежит реформированию, все ее детали — от городского до министра и членов Государственного совета — удерживаются только монархической верноподданнической идеологией. Журналист Николай Шебуев писал позднее о событиях осени 1905 года: «Как отозвались на Манифест чиновники? Те, кто не дошел до действительного статского советника, „либеральничали“, а действительные и тайные застыли на своей буржуазной платформе»¹. Чем более высокое положение занимал русский чиновник, тем дальше он отходил от свободолобивых демократических идей. Этот

¹ Цит. по: *Васильев Е. В., Гиллельсон М. И., Захаренко Н. Г.* Примечания // Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX века. Л., 1975. С. 886.

процесс «поправения» чиновничества отметил и Аверченко в изящной эпиграмме 1906 года. Во втором номере журнала «Штык» осенью 1906 года он напечатал эпиграмму «Администратору», используя популярные строки стихотворения М. Ю. Лермонтова: «Студентом в „левых“ состоял, / Пока на службу не попал!.. / И вот на службе, как должно, / Ты „вправо“ все берешь искусно. / „Все это было бы смешно, / Когда бы не было так грустно!“»

Через одиннадцать лет, напечатав в № 11 «Нового Сатирикона» за 1917 год полный текст Манифеста Николая II об отречении от престола, республиканец Аверченко поставит внизу любимую резолюцию монарха, которую тот писал на поступавших к нему документах: «Прочел с удовольствием» — и подпись: «Аверченко».

К 1908 году большинство сатирических журналов, выходявших в столицах, исчезло. В эти годы суды над редакторами сделались массовыми — печать вновь становилась подцензурной. Так, уже упоминавшийся Николай Шебуев, издатель сатирического журнала «Пулемет», был арестован и на один год заключен в Петропавловскую крепость за антиправительственные публикации. «Кабинет редактора очень часто помещался в тюрьме, — вспоминал Шебуев. — Некоторые номера „Пулемета“ написаны в одиночном заключении»¹. В сатирическом журнале «Дятел» шутили: «Какая разница между подцензурной печатью и печатью свободною? — Подцензурная печать сначала осматривается, а потом конфискуется, а свободная сначала конфискуется, а потом осматривается»².

Сатирический журнал «Штык», который в Харькове редактировал Аркадий Аверченко, просуществовал всего полгода: губернатор Харькова Н. Н. Пешков решил оштрафовать редактора на 500 рублей. Об этом случае Аверченко рассказал в «Автобиографии»: «Мы торговались, как маклаки, и я являлся к нему чуть не десять раз. Денег ему так и не удалось выжать из меня!» Но Аверченко все-таки пришлось покинуть город, до отъезда он успел еще выпустить три номера нового сатирического журнала «Меч».

В канун 1908 года Аверченко приехал в Петербург. Хотя в столице было много литературных изданий, Аверченко выбрал известный юмористический журнал «Стрекоза», редакция которого находилась в самом начале Невского проспекта (дом № 9), на углу Малой Морской (в то время улица Гоголя), недалеко от Адмиралтейства и Зимнего дворца. Журнал «Стрекоза» издавался с 1875 года, но в начале

¹ Там же.

² Там же. С. 887.

XX века переживал упадок. Придя в редакцию, Аверченко познакомился с издателем «Стрекозы» — молодым Михаилом Германовичем Корнфельдом и главными художниками журнала Алексеем Радаковым и Николаем Ремизовым, публиковавшим свои карикатуры под псевдонимом Ре-Ми. Корнфельд в это время пытался обновить редакцию и сделать журнал более современным. Эти трое — Аверченко, Радаков и Ремизов вскоре стали близкими друзьями и обеспечили успех журнала «Сатирикон», появившегося «в недрах» «Стрекозы» (первый номер увидел свет 1 апреля 1908 года).

Художник Алексей Радаков окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица в Петербурге. Незадолго до встречи с Михаилом Корнфельдом Радаков учился в парижской мастерской известного художника Теофиля Стейнлена, графика и иллюстратора, приятеля Тулуз-Лотрека. Николаю Ремизову ко времени знакомства с Аверченко был 21 год, он учился в Императорской Академии художеств, которую окончили и другие публиковавшиеся позднее в «Сатириконе» художники — Александр Яковлев, Николай Радлов.

Название нового журнала было придумано А. Радаковым, который вместе с Аверченко был соредактором «Сатирикона» в первые месяцы и в дальнейшем оставался его художником и автором. Идея нового сатирического журнала, получившего название от романа древнеримского писателя Петрония «Сатирикон», была раскрыта в замечательных «Ямбах» В. Уманова-Каплуновского. Стихотворение опубликовано в № 1:

Изящный римлянин, Петроний, слишком добр:
 В главах его «Сатирикона» —
 Ни хлесткого бича, ни яда ловких кобр,
 Ни игл колючих скорпиона.
 Развратный, пошлый Рим ему был втайне мил,
 Ни ужаса, ни изумленья!
 И пир чудовищный беспечно проходил
 Во дни Нерона — в дни паденья...

Автор «Ямбов» явно проводил сравнение Древнего Рима с империей Российской. Повторяющаяся строка «Во дни Нерона — в дни паденья...» напоминала о недавних трагических событиях — Кровавом воскресенье, московском восстании, поражении в Русско-японской войне — и наступлении жестокой реакции. Журнал «Сатирикон» продолжил богатую традицию демократической печати. За десять

лет существования он стал настолько знаменит, что сегодня в энциклопедиях «Сатирикон» Гая Петрония всегда соседствует с «Сатириконом» Аркадия Аверченко.

К тому времени, когда Аркадий Аверченко приехал в Петербург, большинство сатирических журналов, появившихся в 1905 году, были уже закрыты, а темы публикуемых юмористических рассказов вновь стали незлобивы и безобидны. «Когда я приехал в Петербург (это было в начале 1908 года), в окна редакций уже заглядывали зловещие лица „тещи“, „купца, подвыпившего на маскараде“, „дачника, угнетенного дачей“ и тому подобных персонажей русских юмористических листков, десятки лет питавшихся этой полусгнившей дрянью. Пир кончился... Опьяневших от свободных речей гостей развезли по участкам, по разным „пересыльным“, „одиночкам“, и остались сидеть за салитым вином и заваленным объедками столом только безропотные: „дачный муж“, „злая теща“ и „купец, подвыпивший на маскараде“, — вспоминал Аверченко.

Выделиться журнал мог появлением новых тем, обилием и качеством иллюстраций и карикатур — актуальных, затрагивающих даже политику, — только так можно было привлечь читателя и увеличить тираж. В объявлении о новом журнале говорилось: «Подписная цена: на год — 5 руб., на 1/2 года — 2 р. 50 коп., на 3 мес. — 1 руб. 25 коп. Цена отдельного номера повсеместно — 10 коп.»

В первом же номере «Сатирикона» создатели журнала вступили с читателями в воображаемый диалог:

«Мы. Читатель! Вооружившись беспощадным бичом сатиры, мы вступаем в бой с людской неправдой и торжествующим насилием... Мы будем жестоко и безжалостно бичевать все беззакония, ложь и пошлость, которые царят в нашей политической и общественной жизни... Смех, ужасный ядовитый смех, подобный жалам скорпионов, будет нашим оружием. В „Сатириконе“, как в зажигательном стекле, мы сосредоточим жалкую и кошмарную действительность и силою ядовитой сатиры будем жечь сердца как пигмеев, так и...

Читатель. И все-то ты врешь! Хорошими словами не надуешь: много мы их слышали!.. Знаешь что? Нельзя ли ближе к делу?

Мы. Ого! Однако ты поумнел, читатель! Тем лучше... Тогда мы сговоримся в два слова... Вот, смотри: мы берем свою левую руку и опускаем ее в карман. Ты думаешь, за браунингом? Нет, у нас совсем другая комбинация... Что?.. Ну да... из трех пальцев... Читатель! Пока мы понимаем друг друга. А там видно будет!»

Еще только получив должность секретаря редакции, Аверченко начал поиски новых авторов. Он познакомился и пригласил к со-

трудничеству Надежду Лохвицкую, известную как Тэффи, сатирика Иосифа Оршера (псевдоним О. Л. д'Ор), писателя и драматурга Осипа Дымова (И. И. Перельман), а также самого известного петербургского поэта-сатирика Сашу Черного (А. М. Гликберг).

В первом номере приняли участие Тэффи (она была постоянным автором журнала), поэты Петр Потемкин и Саша Черный, художники А. Юнгер (Баян), А. Остроумова-Лебедева, М. Добужинский, О. Шарлемань, Анна Ремизова-Васильева (Мисс). Добужинский создал шрифт названия журнала, а в первом номере — изящную и злую карикатуру к сатирическим куплетам Петра Потемкина «Раздумья критика».

Редактором журнала в первых номерах был указан А. Радаков, но уже вскоре редакторов стало двое — А. Радаков и А. Аверченко, а затем место редактора занял Аркадий Аверченко.

Когда вышел первый номер «Сатирикона», Аркадию Аверченко было 28 лет, Алексей Радаков и Саша Черный были его ровесниками, поэту Петру Потемкину — 22 года, а издателю Михаилу Корнфельду — 24 года.

В новогоднем номере за 1909 год (№ 52) сатириконцы поместили шуточные стихотворные портреты членов своей редакции.

Об издателе Михаиле Корнфельде:

Речь его нежней романса —
Заикнешься ль об авансе,
Он за талию возьмет:
«С наслаждением! Хоть пятьсот!»

Об Аркадии Аверченко:

В колчане сажень крепких стрел,
И полон рот острот,
Он в быте полсобаки съел,
А в юморе — шестьсот.

Об Алексее Радакове:

В четырех рисунках сжатых
Снимет скальп со всех врагов...

О Николае Ремизове, Ре-Ми, глаза которого сравнивали с «кодаком»:

На шестнадцать верст окрест
Ловят каждый гнусный жест.

С первых же номеров Аркадий Аверченко печатал в журнале рассказы и материалы в рубриках малых жанров, а также вел теат-

ральную рубрику и рубрику «Почтовый ящик „Сатирикона“». Свои сочинения Аверченко часто подписывал псевдонимами Медуза-Горгона, Фома Опискин, Фальстаф. Имя ужасной героини древнегреческой мифологии, один взгляд которой превращал человека в камень, символизировал нешуточный гнев сатирика, обличающего человеческие пороки или несообразности бюрократической и полицейской жизни.

Аверченко часто заимствовал названия для своих рассказов у классиков и известных современных авторов, приглашая читателя при помощи «культурных знаков» к переосмыслению знакомых тем. Например, фельетон «Власть тьмы» (1908. № 21) о российской цензуре получил название от известной пьесы Льва Толстого, рассказ «Тяжелые времена» (1908. № 9) — от романа Чарльза Диккенса, фельетон «Беззащитное существо» (1908. № 27) — от рассказа Чехова, фельетон «Большой человек» (1908. № 31) — от знаменитой в то время пьесы И. И. Кольшко, в главном герое которой угадывался первый русский премьер-министр С. Ю. Витте.

В театральной рубрике «Сатирикона» «Театр и сад» Аверченко помещал комические рецензии на спектакли и представления петербургских театров: «Фарс», «Аквариум», «Буфф». Театральные рецензии Аверченко подписывал простым римским приветствием «Ave» или Аркадий Ave, а также Медуза-Горгона. В этой рубрике появились, например, юмористические рассказы Аверченко «Сказки Андерсена» и «На перепутье», а также комические рецензии — на спектакль московской труппы С. Ф. Сабурова «Амалия... и так далее», на постановку оперы «Пиковая дама» в Мариинском театре, на спектакль Вс. Мейерхольда по пьесе Э. Хардта «Шут Тантрис» в Александринском театре, на спектакль МХТ «Анатэма» по пьесе Л. Н. Андреева с В. И. Качаловым в главной роли и на многие другие. Рецензии Аверченко зачастую содержат и такие описания игры актеров, которые сохраняют ценность до сих пор.

Помимо юмористических рассказов и фельетонов в стихах и прозе, иллюстраций и карикатур, в «Сатириконе» печатались и так называемые «мелочишки», что делало журнал еще более интересным: например, «Самый краткий словарь», «Толковый словарь некоторых спорных слов и понятий», «Старинный юмор», «Жалобная книга», «Брызги». В «Дневнике происшествий», который Аверченко вел под именем Аркадия Счастливецца (имя героя пьесы А. Н. Островского «Лес»), и в «Дневнике члена трамвайной комиссии» юмористически освещались городские события. В рубриках «Провинциальная

мозаика», «Цитаты из провинциальной печати», «Провинциальные происшествия» — события, имевшие место в разных городах и губерниях России. В рубрике «Диалоги» печатались комические разговоры, якобы услышанные в толпе (Аверченко часто сочинял их сам и подписывался «Волк»). В конце 1910 года в «Сатириконе» появилась рубрика «Волчья ягода». В ней журнал публиковал интересные факты, появившиеся в российской печати, сопровождая их комическими комментариями. Еще через год возникла рубрика «Перья из хвоста»: «Сатирикон» дружески уличал коллег-журналистов в ошибках и несообразностях, а иногда и во лжи. В 1917–1918 годах именно эти рубрики станут важнейшими в журнале и займут целые страницы.

Аркадий Аверченко был, несомненно, одним из самых талантливых редакторов российской периодики. Он сумел создать оригинальное издание, которое читала вся Россия. С первых же номеров журнала одной из самых популярных стала рубрика «Почтовый ящик „Сатирикона“», в которой Аверченко вел краткую переписку с читателями и авторами, присылавшими свои произведения в журнал. Стол Аверченко-редактора всегда был завален письмами читателей и рукописями. Обычно ответ редактора занимал не больше строки:

Р. Собакину. Скверное дело.

Икару. Полетели в огонь — по старой привычке.

Алеко. Разве фактики такие длинные бывают? Старо.

Моховая, 10. Ганимеду. Должно.

В пространство. Сеничке. Неостроумно.

Свечной, 3. Багиру. Очень нецензурно.

Петроградская сторона. Королевичу. Без-гра-мот-но!

Одесса. Яну. Ваша суета не подошла. Вообще, больше не суетитесь.

Саратов. Р.Р.Р. Грозит 1001. Шлите еще.

Иногда редактор вступал в полемику с корреспондентами. Одним из разгневанных корреспондентов «Почтового ящика» был известный философ и к тому же сотрудник крупнейшей в России консервативной газеты «Новое время» В. В. Розанов. В первом номере журнала за 1910 год Аверченко опубликовал ответ на злое послание философа юмористическому журналу: «С парашей на месте души, естественно, воображается, что весь свет есть „наш писсуар“». — «Что это значит? — отвечал Аве. — Какая это плутовка Параша заняла место в вашей душе настолько, что вы видите свет в столь печальной и странной окраске?»

Дела редакции шли настолько успешно, что с 1909 года «Сатирикон» начал проводить собственные костюмированные балы — модное в то время светское развлечение. Об этих балах писали все петербургские газеты. 20 февраля 1909 году в зале А. П. Павловой на Троицкой улице (ныне ул. Рубинштейна, 13) «Сатирикон» устроил бал «Карнавал». Специально для этого бала знаменитый танцовщик и балетмейстер Михаил Фокин поставил балет «Карнавал» на музыку Р. Шумана. В тот вечер в балете танцевали Тамара Карсавина (Коломбина), а роль Пьеро взял на себя начинающий режиссер Всеволод Мейерхольд. Условия небольшого зала позволили участникам спектакля смешиваться с публикой, стирая границы между сценой и зрительным залом.

Увлечшись театром, Аверченко и сам начал писать пьесы-миниатюры и монологи для театров миниатюр. Часто он инсценировал собственные рассказы. Его миниатюры «Коготок увяз — всей птичке пропасть», «Четверо», «Рыцарь индустрии», «Юбилей антрепренера», «Без ключа» и многие другие шли в Петербурге в Литейном театре (Литейный пр., 51), Троицком театре миниатюр (ныне ул. Рубинштейна, 18; здание занимает Малый драматический театр), театре-кабаре «Кривое зеркало» (наб. Екатерининского кан., 90) и Театре на Офицерской (ныне ул. Декабристов, 35–39), а также в Одесском и Киевском театрах миниатюр, в знаменитом московском театре-кабаре «Летучая мышь».

«Кривому зеркалу», открывшемуся в Петербурге в 1908 году, суждено было стать наряду с «Летучей мышью» самым популярным театром миниатюр в России. Жанр пародии, который пользовался неизменным успехом у публики, одновременно был ностальгией по старому, уходящему театру и обозначил необходимость поисков новых сценических форм. Создатель «Кривого зеркала» Александр Кугель, публиковавшийся в «Сатириконе» под псевдонимом Номо Novus, позднее вспоминал: «Вы можете найти сотни пародий на французском, немецком и итальянском языках. Но все они пародируют какое-нибудь одно произведение, и в этом их слабость и эфемерность. Пародии „Кривого зеркала“ имели в виду определенное направление в искусстве. Они были обобщены, стилизованы и уже по одному этому являлись художественными произведениями, а не фельетонными однодневками. Но еще более значительным завоеванием „Кривого зеркала“ было открытие сценической формы смешного и забавного, которая заключалась в ряде изменений одного и того же лица».

Спектакли «Кривого зеркала» пародировали штампы старого театра. Самый известный спектакль театра — опера «Вампука, принцесса африканская» по фельетону-либретто М. Н. Волконского. Пародии «Кривого зеркала» были обращены к хорошо знакомым темам, сюжетам и персонажам. Так, в герою спектакля «Чествование Козьмы Пруткова» философе Межерепиусе легко узнавались участники Религиозно-философского общества Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Философов. Они были и героями «Сатирикона». Так, карикатура «Русское богоискательство», на которой были изображены все трое, сопровождалась подписью: «Мережковский: Ну, хорошо... Я сейчас занимаюсь для вас богоискательством. А найдешь вам богов — вы моментально займетесь богоборчеством! Стоит ли искать?» (1910. № 2).

В сценических миниатюрах Аверченко присутствуют характерные черты спектаклей «Кривого зеркала»: развитие ситуации до абсурдных и фантастических пределов, динамичность фабулы, буквализация абстрактных понятий, гротескное преувеличение, прямое обращение персонажей к залу. Такова, например, пародия на символистскую драму «Шантеклер, или Певучая дверь». Свои фельетоны Аверченко часто оформлял как пьесы: «Власть тьмы», «Свадьба», «Конкуренты». Такие пьесы-фельетоны писали в «Сатириконе» и его коллеги Исидор Гуревич, Петр Потемкин, Саша Черный.

Хорошо знакомый с миром кулис, Аверченко писал и юмористические рассказы, героями которых становились актеры: «Самое большое предприятие», «Мой первый дебют», «Бритва в киселе», «Подмости», «Находчивость на сцене», «Актриса», «Преступление актрисы Марыськиной». Существует легенда, что в рассказе «Бритва в киселе» Аверченко изобразил свой роман с известной петербургской театральной актрисой Александрой Садовской.

Блестящий юмор Аверченко полюбился читателям «Сатирикона». Он активно использует весь арсенал приемов создания комического эффекта. Одним из излюбленных приемов Аверченко становится ирония.

Часто ирония используется для осмеивания общепризнанных, но устаревших истин. В фельетонах Аверченко на актуальные политические темы ироническое повествование играет особую роль инструмента, с помощью которого вскрывается подлинная суть ситуации. Аверченко доводит поразившие его лживые высказывания до абсурда, обнаруживает их комическое несоответствие реальности. Комична политическая борьба трусливого депутата-«мирнообновленца» в фельетоне «Девятый вал». Непрерывная речь депутата Государст-

венной думы, едущего из Петербурга к своим избирателям, начинается злобными консервативными выпадами, становится все более демократичной по мере приближения к станции и завершается почти революционными лозунгами перед встречающими его избирателями («На места»). Депутат, получивший приглашение на чаепитие к премьер-министру Столыпину, с гордостью рассказывает об этом всем швейцарам в Государственной думе, и, наконец, потрясенному В. М. Пуришкевичу, которого не пригласили («Не пригласили»):

«На глазах Пуришкевича выдавились две мутные слезинки, и в углах рта показалась пена. Он оттолкнул графа Бобринского, выбежал в зал заседаний, вскочил на трибуну...

И вот тогда-то он бросил в лицо Думы свое знаменитое, повлекшее за собою исключение на пять заседаний:

— Хам!!!»

В произведениях, посвященных политическим проблемам, Аверченко с первых дней существования «Сатирикона» осмеивал фальшь агитационных речей и равнодушие к подлинным нуждам и страданиям людей. У такого явления, как «Сатирикон» Аверченко, конечно, были литературные предшественники. Ближайшие из них — сатирики пореформенной поры: В. Курочкин, Д. Минаев, Н. Лейкин. Ненависть к политической лжи Аверченко сохранял до конца дней: и при царском режиме, и при Временном правительстве, и после революции. Но его перо было легким, а юмор изящным и точным — и за эту честность и умение подмечать смешное Аверченко так любили читатели.

Писатель нередко и сам с удовольствием становился объектом собственной иронии. Например: «Всякий, кому довелось читать мои произведения, заметил, что все они проникнуты теплым ярким светом недожужинного таланта и оригинальности. Я не помню ни одного своего рассказа, который не вызвал бы массы толков и восторженных похвал...» («Загадка природы»). Иронический пафос часто приводит к рождению маски — петербургского жителя, Простодушного в фельетонах Аверченко. Например: «На один митинг, устроенный большевиками, явился скромный господин с интеллигентным приятным лицом и сдержанными манерами. Это был я...» («Салат из булавок»).

Аверченко делал все возможное для того, чтобы сохранить журнал. Когда Александр Амфитеатров в 1901 году в газете «Россия» опубликовал знаменитый фельетон «Господа Обмановы» (это была

сатира на царскую семью), газета была закрыта, а Амфитеатров послан в Минусинск. Сатира Аверченко касалась отдельных лиц, распространённых пороков. Но свои воспоминания о встрече с царем «Мой разговор с Николаем Романовым» и фельетон «Новый Нестор-летописец», где «Николай II, заключенный в царскосельском дворце, пишет историю своего царствования», Аверченко опубликовал лишь после Февральской революции.

В фельетоне «Конкуренты» (1908) Аверченко использует сюжет и образы пьесы Гоголя «Женитьба». Аверченко показывает затруднения Конституции, «дамы с ридикюлем», при выборе избранника: «Эх, если бы силу русского, да приставить к темпераменту младотурка, да взять немного стойкости у перса... Гхм! Я думаю, лучше всего кинуть жребий...» Имя главной героини фельетона отражает события политической жизни тех лет. Реплики Кочкарева, его краткие и дерзкие характеристики претендентов, рассуждения Русского в манере Балтазара Балтазарыча Жевакина о собственных недостатках, финал («Министр. Шестой этаж! Вдребезги! Да теперь нечего делать... Ну... Аллах благослови!!! (*Прыгает*)») делают «Конкурентов» ярким образцом русского политического фельетона.

К гоголевским мотивам Аверченко обращался и в других произведениях. В 1909 году в России широко отмечалось столетие со дня рождения Гоголя, но интерес Аверченко к Гоголю не был связан с юбилеем. Он превосходно знал тексты Гоголя и часто использовал их. На сюжет той же пьесы «Женитьба» написан и рассказ «Безрыбье» (1911). Эпизод торга Чичикова и Собакевича из «Мертвых душ» приспособлен к реалиям текущего дня в одноименном фельетоне (1910). В начале рассказа «Возвращение» (1920), написанного после бегства из Петербурга, Аверченко включает в текст фрагмент повести Гоголя «Тарас Бульба». В рассказе «Добрые друзья за рамсом» (1920) цитируется фрагмент из «Ночи перед Рождеством», где кузнец Вакула видит Екатерину II и Потемкина. Противопоставление старых (великих) и нынешних правителей России составляет сюжет рассказа. За полгода до отъезда из России, в апреле 1920 года, Аверченко написал фельетон «Международный ревизор» — о приготовлениях советской власти к приезду в Москву деятелей III Интернационала. В роли Городничего, увещающего своих подчиненных, здесь выступает Троцкий, другие персонажи фельетона — председатель Совета народных комиссаров Ленин, один из руководителей ВЧК Яков Петерс, нарком просвещения Луначарский.

Гротескные образы Гоголя, неуловимый переход от реальности к фантастике несомненно повлияли на Аверченко-писателя. В его

рассказах реальная ситуация, событие нередко приобретают фантастические черты, а свойства человека или вещи гиперболизируются до невероятных пределов. За вполне бытовыми ситуациями сатирик показывает абсурдность действительности, и тогда за смешным начинает проглядывать трагическое.

Другим любимым писателем Аверченко был Чехов. В молодости Чехов также работал в юмористических изданиях. Аверченко близок мир ранних рассказов Чехова — «Хамелеона», «Толстого и тонкого», «Смерти чиновника» и др. Аверченко, безусловно, испытал влияние Чехова, чьи произведения отличает лаконичность повествования, мастерство диалога, точность характеристик, неожиданность сравнений, многообразие представленных типов российской жизни. Сюжет Чехова зачастую основан на бесконечно малом событии, здесь важен не сам по себе случай или ситуация, а тот нравственный итог, к которому приводит писатель. У Чехова «главное» и «второстепенное» часто меняются местами, и «случайная» деталь («А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!») вдруг становится носителем смысла. Чехов никогда не изображал бунтарей, в идеологических спорах ему было важно не их разрешение, а способность оппонентов услышать друг друга или, по крайней мере, уступить. Аверченко, кажется, идет вслед за Чеховым в поиске новых возможностей для реализации авторской позиции, в создании типических характеров современной жизни: «Кривые углы», «Стихийная натура», «Человек, которому повезло», «Актриса», «Бельмесов», «Трудолюбивый Харлампьев».

Аверченко-редактор умел привлечь к журналу необыкновенно талантливых людей. В «Сатириконе» печатали свои стихи акмеисты Николай Гумилев и Осип Мандельштам. Редактор литературно-художественного журнала «Аполлон» Сергей Маковский, восхищенный творчеством карикатуристов «Сатирикона», помог им организовать выставку в разных городах. Творчество художников-модернистов стало предметом сатиры Аверченко («История одной картины», «Крыса на подносе»), с сатирами и пародиями на футуристов, намеренно эпатаживавших публику, в «Сатириконе» выступали Саша Черный, Василий Князев, Аркадий Бухов. Однако во Владимире Маяковском, которого Анна Ахматова назвала «божественным юношей, явившимся неизвестно откуда», Аверченко почувствовал талант.

В феврале 1915 года в петербургском литературном кафе «Бродячая собака» Маяковский прочитал стихотворение «Вам!» — против тех, кто отсиживается в тылу и наживается на войне. Стихотворение настолько шокировало публику, что выступление закончилось со-

ставлением полицейского протокола. Именно в это время Маяковский, которого еще не призвали в армию, остался без средств, публиковаться ему было негде. На его выступлении присутствовали Алексей Радаков и Тэффи. Радаков и привел поэта к Аверченко. Поэт напечатал в сатирическом журнале, к тому времени уже «Новом Сатириконе», двадцать шесть своих стихотворений, в том числе «Гимн взятке», «Гимн судьбе», «Гимн ученому», «Гимн здоровью» и др. Уникальное свидетельство о Маяковском в «Сатириконе» сохранилось в письме Василия Князева Аркадию Бухову: «Маяковский — это огромный утес, обрушившийся в тихий пруд. Он в короткое время... поставил на голову весь „Сатирикон“, переполнив журнал лирикой в ущерб сатире и юмору»¹.

В 1913 году прежняя жизнь «Сатирикона» закончилась: между издателем Михаилом Корнфельдом и редактором Аркадием Аверченко, художниками Алексеем Радаковым и Ре-Ми разгорелся конфликт. По одной из версий, издатель нарушил условия договора со своими сотрудниками и с 1 января 1912 года «самовольно повысил розничную плату, что вызвало в дальнейшем падение тиража»². Редактор и сотрудники «Сатирикона» обратились в Санкт-Петербургский коммерческий суд с иском о защите материальных прав. Заседания суда в июне 1913 года вел известный юрист и политик В. Д. Набоков (отец В. В. Набокова). В итоге Аверченко, Радаков и Ремизов вышли из состава редакции и решили создать собственный журнал, который назвали «Новый Сатирикон». Деньги на открытие нового журнала — 5000 рублей — дал молодой художник Николай Радлов, ставший с тех пор членом редакции. Вместе с Аверченко в новый журнал перешли Тэффи, Петр Потемкин, О. Л. д'Ор, М. Добужинский, А. Бенуа и др. Сатириконцы «взяли с собой» и рубрики — «Почтовый ящик», «Волчьи ягоды», «Перья из хвоста», и даже книгу адресов постоянных подписчиков. Старый «Сатирикон» М. Корнфельда просуществовал еще несколько месяцев, до конца 1913 года, и вскоре был закрыт.

Эти перемены и превращение Аверченко и его друзей в собственников журнала совершенно изменили их материальное положение. В первые годы в Петербурге Аверченко жил в меблированных комнатах на Малой Морской улице, недалеко от редакции и от популярного у литературной богемы ресторана «Вена» (он находился на углу

¹ Цит. по: *Миленко В.* Аркадий Аверченко. М., 2010. С. 155.

² *Стиридонова Л.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1960.

Малой Морской и Гороховой улиц). В 1913 году, через несколько месяцев после появления «Нового Сатирикона», он переехал в отдельную трехкомнатную квартиру в центре Петербурга — в знаменитом, только что построенном Толстовском доме (ул. Рубинштейна, 15–17), оснащенном по последнему слову техники: в доме было центральное отопление, водопровод, лифты. Теперь у Аркадия Аверченко была своя спальня и свой кабинет с огромной библиотекой. В третьей комнате — столовой и приемной одновременно — висели картины Репина, Билибина, Добужинского, Александра Бенуа, Ремизова (Ре-Ми). Сотрудник «Нового Сатирикона» Петр Пильский вспоминал:

«Как-то в Петербурге я, смеясь, выразил мое недоумение: в спальне Аверченко вдруг появился граммофон!

— Зачем?

И с шутливой серьезностью он мне объяснил:

— Самое скучное занятие для человека — одеваться. Много запонок, пуговиц, застежек, нужно много на себя натягивать, завязывать, что-то класть в карманы. Так вот, чтобы не замечать этого скучного процесса, я завожу граммофон, и когда я завязываю ботинки, мне поет Собинов, — приятное соединяется с полезным!»¹

Пильский, журналист и критик, долгое время проработавший с Аверченко, вспоминал о его работе редактора:

«Он не хотел скучать и не позволял себе быть скучным с другими.

У него и редакционные заседания „Сатирикона“ проходили тоже серьезно и весело. Несколько раз нам пришлось работать в одних и тех же органах, бок о бок, и всегда он меня поражал своей дельностью, внимательностью, какой-то трудовой логичностью, неторопливостью и внятностью. Так было в закрытых понедельничных газетах „Эпоха“, „Межа“, так было и в журнале „Эшафот“»².

Через два года после создания «Нового Сатирикона» владельцы журнала смогли купить типографию. Первой книгой, которая вышла в издательстве «Нового Сатирикона» (1915), была повесть Александра Грина «Происшествие на улице Пса». Вот что вспоминал об этом писатель Лев Гумилевский в очерке «Далекое и близкое»:

«Как-то я занес рассказ, показавшийся мне юмористическим, в „Новый Сатирикон“. Аверченко в редакции бывал редко, принимал

¹ Пильский П. Аркадий Аверченко // Сегодня. Рига. 1925. 15 марта.

² Там же.

посетителей секретарь его Ефим Давыдович Зозуля, тогда еще молодой, еще не полысевший, но уже важный, толстеющий, облаченный в черный пиджак и серые брюки. Он взял рукопись и велел позвонить через неделю-две. Рассказ был принят, и я зашел в редакцию. За столом Зозули, как гость, сидел прекрасно выбритый, прекрасно одетый господин, немного полный, красивый и ленивый. Это и был Аверченко. Он поздоровался со мной и учтиво подал мне книгу, которую только что рассматривал с лица, корешка и обреза.

— Это первая наша книга, — сказал он, — нравится вам?

На серой обложке с маркой „Сатирикон“ в верхнем углу было напечатано „А. С. Грин“ и заголовок по первому рассказу, кажется, это было „Происшествие на улице Пса“.

Я отвечал, что книга издана прекрасно¹.

Издательство «Нового Сатирикона» выпускало книги Тэффи, Аркадия Бухова, Исидора Гуревича, Саши Черного и, конечно, самого Аверченко. Его сборник «Веселые устрицы» за семь лет (с 1910 года) выдержали 24 издания. Аверченко в эти годы опубликовал сборники «Черным по белому», «Сорные травы» (под псевдонимом Фома Опискин), «О хороших, в сущности, людях!», «Бенгальские огни», «Надгробные плиты», «Шалуны и ротозей», «Волчьи ямы», «Оккультные науки», «Чудеса в решете», «О маленьких для больших», «Позолоченные пилюли», «Караси и щуки», «Синее с золотом» и др.

«В час душевной боли, в минуту усталости русский читатель обращался к Аверченке, и я хорошо помню, как во время войны в госпиталях на всех столах я видел его книги и книжечки, изданные „Новым Сатириконом“, — вспоминал Петр Пильский.

Когда началась Первая мировая война, Аверченко из-за травмы глаза был признан негодным к военной службе: на фронте он не был. Его зачислили в ополчение второго разряда. «Новый Сатирикон» занял патриотическую позицию. Художники-карикатуристы журнала Алексей Радаков и Николай Ремизов были мобилизованы и проходили службу в Петрограде — в Военно-автомобильной школе, которая готовила шоферов и мотоциклистов. Там же служил в это время Владимир Маяковский. В армию были призваны также Саша Черный, Василий Князев, Аркадий Бухов. Надежда Тэффи отвозила подарки нижним чинам в действующую армию. Аверченко выступал с чтением рассказов перед ранеными в госпиталях Петрограда и Кавказских Минеральных Вод.

¹ Цит. по: *Миленко В.* Аркадий Аверченко. С. 151.

В марте 1917 года рядом с перепечатанным Манифестом об отречении Николая II в «Новом Сатириконе» (1917. № 11) была опубликована статья от редакции «Цепи сброшены»:

«Здравствуй, радостный, свободный русский читатель!

Приветствуя тебя, свободные сатириконцы дают аннибалову клятву и впредь черное называть черным и всякого негодяя торжественно короновать венком из крапивы и чертополоха.

Только теперь мы будем делать это иначе: подгнившие веревки лопнули, руки освободились, и мы, откусив в собственном рту опостылевший эзопов язык, радостно выплевываем его в страшную святочную харю рухнувшего романовского строя.

И отныне заговорим свободно, без уверток, намеков и подмигиваний, — да здравствует свободное, в муках рожденное Российское Слово!

Читатели! За девять лет нашего с вами общения вы привыкли верить нам — мы ни разу вас не обманывали... Верьте и теперь...»

В конце царствования Николая II, в январе-феврале 1917 года, многие темы в политике и общественной жизни не только осмеивать, но и затрагивать было запрещено. Именно тогда Ре-Ми создал карикатуру «Эзоп женится на теще» (1917. № 6), изобразив у входа в «Петроградский цензурный комитет» древнегреческого баснописца-сатирика в тоге и венке под руку с пожилой толстой дамой. «Теща» в данном случае — символ беззубой юмористики прошлых лет, старых юмористических изданий («Стрекозы», «Будильника» и др.). А на первой странице того же номера изображен господин, приложивший указательный палец к губам: «Тсс! О политике ни слова» (рисунок Ре-Ми). На первой странице следующего номера (1917. № 7) журнал опубликовал еще более острую карикатуру Ре-Ми — «Лакомое блюдо»: плешивый цензор склонился с ножом и вилкой над блюдом, на котором лежит голова Сатира (добродушный ленивый толстяк-сатир был символом журнала). Живая голова с рожками смотрит на цензора жалобным взглядом, в то время как цензор плотоядно произносит: «В этом „Сатириконе“ мне больше всего нравится мозг». Несомненно, речь шла об усиливающейся свирепости цензуры и, возможно, о закрытии «Сатирикона».

Но через несколько дней произошла Февральская революция. «Новый Сатирикон» опубликовал не пропущенные ранее цензурой отрывки поэмы Владимира Маяковского «Облако в штанах». В первые месяцы упоение свободой было полным.

Но время шло, и уже в мае началась экономическая разруха, массовое дезертирство солдат с фронта, анархия в тылу. В фельетоне

«Как мы это понимаем» (1917. № 19) Аверченко напечатал обращение к Временному правительству, нерешительность и нелепые нововведения которого явно вели к краху:

«Мы, сатириконцы, заслужили право говорить с любым правительством резким прямым языком, заслужили тем, что до революции с заткнутым ртом и связанными руками все-таки кричали девять лет о русских безобразиях и не боялись ни конфискации, ни арестов, ни лишения нас свободы. Так неужели мы теперь побоимся исполнить свой гражданский долг и бросить в лицо Временному правительству и Исполнительному Комитету С., Р. и С. депутатов простые человеческие слова?

— Стыдитесь! Вам народ вручил власть — во что вы ее превратили?! Всякий хам, всякий мерзавец топчет ногами русское достоинство и русскую честь, — что вы делаете для того, чтобы прекратить это?! Вы боитесь как черт ладана насилия над врагами порядка, над чертовой анархией, так знайте, что эта анархия не боится насилия над вами и она сама пожрет вас».

В июньском номере Аверченко опубликовал поразительный очерк «Молодой человек на рельсах» (1917. № 20) — о пьяном солдате, который остановил трамвай на Литейном и сутки отказывался сойти с рельс, а милиция Временного правительства боялась применить к нему силу.

Уже летом «Сатирикон» начал «воевать» с большевиками. На обложке следующего номера (1917. № 21) была помещена такая карикатура: среди разбросанных книг на диване расположился большевик с газетой «Правда» в руке: «Вот все говорили „грядущий да грядущий“!.. А вот я уже и „пришедший“!..» В этой подписи сатириконцы перефразировали название знаменитой работы Дмитрия Мережковского «Грядущий хам» (1905).

В это время сложный политический мир России стал распадаться на враждующие лагеря. К «буржуйам» причисляли теперь даже самого Аркадия Аверченко. В фельетоне «Мое самоопределение» (1917. № 17) Аверченко писал:

«Когда зелено-пиджачный господин держал до меня на митинге речь, он говорил:

— Товарищи! Капиталистов не должно быть! Все должны быть равны! Не должно быть ни богатых, ни бедных. А для этого отнимайте деньги у богатых и передавайте их тем, у кого ничего нет!..

О, мой зелено-пиджачный друг! Где ты — ах! Вот я — капиталист! Приходи ко мне и забери у меня все мои деньги, выгони из квартиры,

сними с меня „крахмала“, как ты назвал мою сорочку от Друса, ипусти меня на улицу в одном пиджачишке, хотя бы того же травяного цвета.

Ты думаешь — я потеряюсь? О нет, моя милая проворная ящерица!

Я сейчас же побреду в редакцию любого приличного журнала, и попрошу десяток листов бумаги и уголок стола в редакционной комнате, и через три часа вручу редактору журнала рассказ, и получу за него двести рублей, и снова найду себе комнату, куплю у Друса новую крахмальную рубашку, а через три дня у меня уже снова будет хорошее драповое пальто, и котелок, и пенсне, и палка с серебряным набалдашником, а через месяц я тебя, зеленый друг мой, снова могу принять в своей новой, уютно обставленной квартире, а через год — я тебе снова покажу довольно симпатичную на твой глаз чековую книжку...

И что же? Снова, значит, я сделался буржуем? Снова ты, о зеленый мой, разденешь меня, отберешь деньги и пустишь в чем мать родила? Да? И снова я побреду в ближайшую редакцию? Дорогой товарищ! Но ведь это уже система старая, и не тобой она открыта... Эта система применяется в больших экономиях, где рачительные хозяева стригут овец периодически в известные сроки, отпуская их потом на травку, нагуливать себе новую шерсть для будущей стрижки.

Товарищ в зеленом пиджаке! Ты через три слова говорил о равенстве!.. Но разве есть равенство между овцой и ее хозяином?

Подумай ты об этом, зеленый. И если после всех моих доводов ты назовешь меня с глупым упрямством — „буржуй“, так я с тобой больше и разговаривать не хочу!

И знаешь почему, мой зеленый друг?

Потому что я умнее тебя.

Как ты в этом со мной сравнишься?

Есть один способ: каждый день перед завтраком, что ли, ты должен приходиться ко мне и ударом крепкой палки о мою голову затуманивать и понижать дееспособность моего мозга до такого уровня, чтобы он, мозг, сравнялся с твоим.

Но хорошо ли это?..

Ну, вот я, слава богу, и самоопределился. Оказывается, что я — не буржуй. Ф-фу! От сердца отлегло».

Между двумя революциями Аверченко пытался создать два новых сатирических журнала — «Эшафот» и «Барабан» и публиковал в каждом номере «Нового Сатирикона» очерки, фельетоны, публи-

цистические статьи, поражавшие читателя искренностью, бескомпромиссностью и энергией: «Капли крови», «Десять миллионеров», «История большевиков», «Когда мне жарко», «Отрыжка», «Доской по голове», «Пустая мельница» и др.

После Октябрьской революции большинство газет, выходивших в Петрограде, было закрыто: «Новое время», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Русское слово», «Речь»... «Новый Сатирикон» не был запрещен и закрыт. События Октябрьской революции нашли отражение в фельетоне Аверченко «Вся власть — мне» (1917. № 44). С октября 1917 года частыми героями фельетонов и рубрики «Волчьи ягоды» «Нового Сатирикона» становятся председатель правительства В. И. Ленин, а также Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, В. Володарский и др. В ноябре 1917 года, сразу после ареста Временного правительства, Аверченко публикует в «Новом Сатириконе» очерк «Я разговариваю с Керенским» (1917. № 41). Впоследствии, уже в эмиграции, сатирик напишет три очерка-портрета Керенского, где будет горько издеваться над бессильным и бездарным правителем России.

Зачастую шутки «Нового Сатирикона» были явно неприемлемы для новой власти: «Оказывается, что декрет о национализации банков выработан неким Сокольниковым, студентом II курса, и настоящая фамилия его Бриллиант. Наконец-то в короне Ленина засверкает настоящий собственный бриллиант. А то все Воровские да Крадеки» (1918. № 1).

Летом 1918 года (№ 12) Аверченко опубликует внешне невинный, но невероятно дерзкий очерк «Моя симпатия и сочувствие Ленину», который начинался словами: «Я очень добрый человек. Например: у меня нет ни злобы, ни ненависти к Ленину, Ульянову — тоже. Мне только очень его жалко. Чем дальше, тем больше я над ним, над его жизнью задумываюсь, и чем дальше, тем больше мне его жалко».

Сатириконцы смеялись над Александром Блоком, автором революционной поэмы «Двенадцать», Всеволодом Мейерхольдом, который вступил в ВКП(б).

В 1918 году Аверченко публикует такие фельетоны, как «Самое важное», «Болотные туманы», «Кнут без лошади», «В будущем», «Ростов-на-Дону» и др.

Но с января 1918 года в РСФСР был учрежден Революционный трибунал печати. Тучи над журналом Аркадия Аверченко сгущались, тем более что отношение «Нового Сатирикона» к новой власти было очевидно негативным. Последним номером «Нового Сатирикона»